

ЕЛЬЦОВА Елена Власовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Автор 42 научных публикаций

ФИНСКАЯ ПОЭЗИЯ И «КАЛЕВАЛА» В ТВОРЧЕСТВЕ КОМИ ПОЭТА В.Т. ЧИСТАЛЁВА¹

Мотивы, образный строй, ритмические особенности финского фольклора и литературы оказали влияние на коми литературу XX века и на творчество Вениамина Тимофеевича Чисталёва (1890–1939). Карело-финский народный эпос «Калевала» и произведения финских писателей стали основой для создания оригинальных стихотворных и прозаических произведений Чисталёва в 1920-е годы: «Рождение поэзии», «Сотворение кантеле», «Где-то далеко, у лесного озера», «О лесе». Сравнительный анализ этих произведений с текстом «Калевалы» и прозаической миниатюрой финского писателя Ю. Ахо «Хвала печали» позволил раскрыть творческий характер освоения коми писателем опыта и традиций родственной иноязычной литературы, выявить особенности взаимосвязей литератур двух родственных народов. Из «Калевалы» и финской литературы В.Т. Чисталёвым прежде всего заимствуются образы кантеле, одинокого лесного домика, мотив происхождения творчества и предназначения поэзии, а также художественные приемы персонификации, синтаксического параллелизма, повторов, особенности ритмической организации произведений. При этом очевидно, что восприятие коми писателем традиций финской литературы – это творческий процесс, который не ограничивается только прямыми заимствованиями. Особое внимание в работе уделяется вопросам художественного перевода, авторской интерпретации, трансформации, творческой обработки и переработки оригинала. Автор делает вывод о том, что созданные В.Т. Чисталёвым на основе произведений устного народного творчества и литературы финнов оригинальные тексты обогатили коми литературу, расширив тематический и эстетический потенциал коми поэзии, и приблизили ее к художественным ценностям других народов, а также стали воплощением специфики национальной жизни, литературной традиции, художественной самобытности творчества коми поэта.

Ключевые слова: коми литература, карело-финский эпос «Калевала», финская литература, художественный перевод, авторская интерпретация, мотив происхождения творчества.

¹Работа выполнена при поддержке программы Уральского отделения РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

Начало XX века для финно-угорских народов – качественно новый этап в их истории, т. к. в составе Советской России многие из них впервые получили право на национально-территориальную автономию. В 1920-х годах, в условиях активного национального возрождения, идеи финно-угорской общности имели все возрастающее значение [1, с. 366]. Творческий интерес к культуре и литературе родственных народов возник и среди коми писателей. Так, В.Т. Чисталёв (1890–1939) в произведениях этого периода, когда перед писателем и его современниками стояла задача создания национальной литературы, для решения которой был необходим процесс освоения мирового литературного опыта, неоднократно обращался к фольклору и литературе финнов.

Обозначенная проблема коми-финских литературных взаимодействий 1920-х годов остается актуальной и сейчас, поскольку существует необходимость характеристики коми литературного процесса этого периода, особенностей развития творчества одного из ведущих коми поэтов XX века, оказавшего влияние на всю последующую литературу. Основной целью данной работы стало определение степени воздействия карело-финского эпоса «Калевала» и произведений финской художественной литературы на формирование творчества В.Т. Чисталёва, что конкретизировалось в задаче их сравнительного анализа и выявления литературно-художественных параллелей и различий.

Устное народное творчество и литература финнов стали для В.Т. Чисталёва источником вдохновения, а их образы, мотивы, ритмы оказались настолько близки его мироощущению, что воспринимались как символические в его собственной поэзии и даже в личной судьбе. Так, в критической статье «Коми поэзия формаяс йылысь» («О формах коми поэзии», 1929)² образ финского музыкального инструмента кантеле

и его создателя – сильного и мудрого героя «Калевалы», легендарного певца Вяйнямёйнена – представлены В.Т. Чисталёвым как метафора поэта и его творчества. Свою роль сыграла и звуковая переключка имен Вяйнямёйнна (в написании В.Т. Чисталёва – Вейнемейнена) и его – Вениамина Чисталёва. Это чувство родства, душевной близости с образом древнего певца из карельских и финских эпических рун, с его внутренним творческим огнем позволило написать коми поэту в своей статье: «Вейнемейнен кодь ёнён сійё властьнас ачымёс чувствуйта, мый верма вёрзёдны, сывдыны йисё, ловзёдны мортсё и ловтём природасё звучитны тшётш»³ («Сильным, как Вейнемейнен, чувствую себя той властью, что могу тронуть, растопить лед, оживить человека и заставить звучать неживую природу»)⁴. По мнению исследователя А.И. Туркина, именно финская литература подтолкнула В.Т. Чисталёва к изучению коми фольклора и даже вызвала в нем желание создать коми эпос, подобный карело-финской «Калевале» [2, с. 60].

В 1924 году в журнале «Коми му» («Земля коми») в небольшом очерке под общим названием «Пин поэзияысь» («Из поэзии финнов») Чисталёвым было опубликовано 2 стихотворения: «Руна (мойд) лоём йылысь» («О сотворении руны (сказки)», 1923), второе, более позднее и известное название которого – «Поэзия артмём» («Рождение поэзии»), и «Кантеле лоём йылысь» («О сотворении кантеле», 1923). Автор очерка поясняет: «Пиньяс – воча вокьяс лооны комилы. Найё комияс моз жё олёны войвылын, кодзыдінын, вёр-ва вылын: ягьяс, нюрьяс, тыяс – налён гортаныс <...> Сы сяма и поэзияныс налён – сьылёмныс, мойдёмныс, висьт нуёдан ногныс, – ставыс ас вёр-ваысь босьтём»⁵ («Финны – двоюродные братья коми народу. Как и коми, они живут на холодной северной земле, среди природы: леса, болота, озера – у них дома <...> Такова и их поэзия –

²Чисталёв В.Т. Няя. Сыктывкар, 2010. С. 472.

³Там же. С. 472.

⁴Здесь и далее представлен подстрочный перевод с языка коми, сделанный автором данной статьи.

⁵Чисталёв В.Т. Пин поэзияысь // Коми му. 1924. № 3. С. 68.

их пение, сказки, повествование, – все взято из родной природы»).

В коми литературоведении поднимался вопрос об оригинальности этих стихотворений. Что лежит в основе произведений «из поэзии финнов»: «Калевала» или какие-то иные произведения устного народного творчества? По мнению литературоведа В.Н. Дёмина, это не переводы карело-финского эпоса в традиционном смысле, а небольшие оригинальные произведения поэта, созданные по мотивам калевальских рун или каких-то других произведений финской народной поэзии [3, с. 14]. Действительно, стихотворения В.Т. Чисталёва – даже не вольные переводы; от рун «Калевалы» и их переводов на коми язык другими авторами они принципиально отличаются. В дальнейшем поэт даже дал свое название одному из стихотворений, ставшему программным в его творчестве, – «Рождение поэзии». Интересно, что и читателями эти стихотворения, занявшие заметное место в коми литературе, особенно «Рождение поэзии», воспринимаются именно как авторские, чисталёвские, а не переводные.

Однако ясно, что В.Т. Чисталёв создал их, опираясь на какой-то первоисточник, заимствуя и преобразуя его темы и образы. В журнальном очерке коми поэт упоминает «Калевалу», сравнивая себя и свое творчество с ее героем Вяйнямёйненом. В пользу канонического текста «Калевалы», составленного Э. Лённротом, говорит и то, что в стихах поэт придерживается ритма 4-стопного хорее без рифмы, которым она была переведена на русский язык Л.П. Бельским, и это отмечалось исследователями А.И. Туркиным [4, с. 9] и В.А. Латышевой [5, с. 73]. Этот ритм, наиболее близкий калевальскому 4-тактному размеру, характерен и для коми языка в силу его фонетических особенностей, и для произведений устного народного творчества коми. В стихотворениях В.Т. Чисталёва «Рождение поэзии»

и «О сотворении кантеле» речь идет от первого лица: в них говорят поэзия и кантеле. В тематически сходных отрывках «Калевалы» такого нет: о происхождении рун и музыкального инструмента в них повествует рассказчик-рунопевец, однако в «Калевале» есть места, где речь также идет от лица неодушевленных предметов, например лодки или кантеле:

Тотчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
«Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной»⁶.

Думается, это и позволило коми поэту использовать прием персонификации как основной в создании упомянутых стихотворений для усиления их художественной выразительности, эмоциональности. Художественный прием древней поэзии не противоречит и творческому принципу самого Чисталёва: олицетворение, персонификация играют важную роль в поэзии и прозе писателя. Во многих его произведениях природа родной земли, окружающий мир и вселенная одухотворены, представлены в образе человека. Таким образом, можно сделать вывод о том, что стихотворения Чисталёва «Рождение поэзии» и «О сотворении кантеле» – это не переводы, а литературно-художественные произведения, навеянные «Калевалой», ее поэтикой и символикой, авторская интерпретация древних карело-финских рун.

Все произведения В.Т. Чисталёва, в которых встречаются образы и мотивы финской поэзии, связаны с темой творчества, поэта и поэзии. По мнению литературоведа Е.В. Остаповой, «вполне закономерно, что В.Т. Чисталёва и В.И. Лыткина⁷ привлекла, прежде всего, та часть карело-финского эпоса, которая посвящена началу поэтического творчества. Мотив предназначения

⁶Калевала. Л., 1984. С. 449.

⁷В.И. Лыткин – коми поэт, современник В.Т. Чисталёва, в 1922 году перевел на коми язык отрывок из 41-й руны «Калевалы» и опубликовал его под названием «Вяйнямёйненлõн кантелеõн ворсõм» («Игра Вяйнямёйнена на кантеле»).

поэзии является одним из вечных в литературе, а в послереволюционную эпоху в создающихся либо возрождающихся литературах России он был особенно актуален» [6, с. 12].

В основе лирического стихотворения В.Т. Чисталёва «Рождение поэзии» – мотивы вступления к первой руне «Калевалы». Тематически оно перекликается с этой частью эпоса, но между двумя произведениями есть принципиальная разница. У Чисталёва это небольшое законченное стихотворение в 12 строк. Уже по форме оно отличается от калевальской руны, в которой нет деления песен на стихотворные строфы. Коми стихотворение написано нерифмованными трехстишиями – эта строфика оригинальна и свойственна поэзии Чисталёва: белыми трехстишиями написаны также его раннее стихотворение «Кайла видзёдла» («Взойду, оглянусь», 1921) и более позднее «Патерщикъяс» («Квартиранты», 1926). Но в «Рождении поэзии» все же заметно стремление к аллитерациям внутри строки, синтаксическому параллелизму, повторности, что свойственно и карело-финскому эпосу. Это анафорические повторы *og töd, kodí* (не знаю, кто) и *gashkö* (может быть), использование синонимичных парных слов *verdis-udis* (вскормил-взрастил), *сьывны-мойдны* (петь-сказывать), *ветлысь-мунысь* (прохожий), *чöж-пöтка* (утка-дичь), схожее построение предложений в стихотворении.

Монолог поэзии в стихотворении Чисталёва – это развернутая метафора творчества, попытка представить процесс рождения поэзии в образах родной природы. Как и в эпической песне, слова которой рунопевцем-сказителем собраны на лесной тропинке, отломлены от вереска, взяты с веток и трав, навеяны морозом, дождем, ветрами и волнами, сложены птицами и деревьями, в произведении Чисталёва поэзия рождена самой природой и является ее неотъемлемой частью. Может быть, ее истоки в синеватой ягоде-чернике, созревшей у лесной тропинки, может быть, вода лесного озера была для нее колыбелью, птицы убаюкивали ее своим пением, тихо шелестел листвою лес,

а лунный луч собирал слова в отголоски эха. Образ рождающейся поэзии в этом стихотворении тоже персонифицирован: с одной стороны, источник поэзии – в природе, но среди природы рождается и сам поэт, природа – это источник его творческого вдохновения. Поэзия здесь представлена в образе долгожданного ребенка, рожденного и выпестованного в недрах самой природы. В произведении чувствуется незримое присутствие человека, его творчества: он был кем-то *рожден*, кем-то *вскормлен-взлеяян*, лежал в *колыбели*, вслушиваясь в *убаюкивающие песни* родной земли и *эхо рассказов*, собранных лунным лучом, был отправлен к людям *сказывать-петь*:

Ог төд, кодí менö чужтліс,
Кодí быдтіс, вердіс-удіс, –
Сьывны-мойдны йöзö лэдзліс...⁸

Не знаю, кем я был рожден,
Кто вырастил, вскормил-взлеял, –
Петь-сказывать к людям отпустил...

Ритм 4-стопного хорей, напоминающий колыбельную песню и мерное качание самой колыбели, убаюкивает волнами озера, голосами птиц и эха. Образ звука, звучащего слова в стихотворении коми поэта, как и в «Калевале», значим. В колыбельной песне лесных птиц, в убаюкивающем шелесте леса, в рассказах, собранных лунным лучом, и есть творческий акт рождения поэзии. Эти звуки заворачивают подобно игре Вяйнямёйнена на кантеле.

Восприятие Чисталёвым традиций финской народной поэзии не сводится к воспроизведению определенных калевальских тем, мотивов и образов, не ограничивается прямыми заимствованиями из «Калевалы». Его восприятие – более сложный, творчески обусловленный процесс, связанный с трансформацией, творческой переработкой оригинала. Так, примером полемической обработки мотивов «Калевалы», их переосмысления и диалогических отношений между текстами может служить стихотворение «О сотворении кантеле». По сюжету

⁸Чисталёв В.Т. Ния... С. 192.

«Калевалы» кантеле смастерил знаменитый песнопевец Вяйнямёйнен из рыбьих костей, зубов и конского волоса. В тексте эпоса часто повторяется: кантеле – «звонкий короб многострунный, вещь на вечную усладу», его предназначение – возбуждать в слушателях веселье, радость, «дать вечных рун усладу», извлекать «из струн отраду», чтобы все слушали «радостные звуки и, ликуя, восторгались».

Стихотворение Чисталёва – это рассказ кантеле о своем происхождении, в котором сотворение музыкального инструмента становится метафорой. Оно начинается с отрицания: «Прѳста лѳжѳс шуѳ йѳзыс / Меям чужѳм-лоѳм йылысь, / Мый пѳ пѳрысь кужысь-тѳдысь / Ыджыд вежѳр Вейнемейнен / Босьтис юрган кантелелы / Сирлысь черлы сюрѳс пыдди, / Везьяс пыдди вѳвлысь сисѳ»⁹ («Зря люди говорят неправду / О моем рождении, / Что старый умелец-знарок / Большой разум Вейнемейнен / Взял звучащему кантеле / Челюсть шуки за основу, / Вместо струн конский волос»). Здесь кантеле не просто музыкальный инструмент, призванный услаждать и радовать слушателей, но сама поэзия, вдохновение. Его не радостная, а печальная мелодия создана из чувств и переживаний поэта – грустью он соединил его части, горькие зерна слез пролил, в печальную звучащие струны их вплел:

Сы вѳсна нѳ кантелелыд
Шоча гажаторсѳ ворсѳ.
Нора, жугыль сылан шыѳн
Сы пыр лѳчѳ мортлѳн шогыс¹⁰.

Потому-то кантеле
Редко веселое играет.
Печалью, тоскливыми звуками песни
По нему изливается грусть человека.

Тема поэзии, затрагивающей сердца и души людей, связывает карело-финский народный эпос

и лирику коми поэта начала XX века. Многие стихотворения В.Т. Чисталёва, среди которых «Ок, эськѳ» («Ох, если бы», 1921), «Сьѳломѳй бѳрдѳ и сылѳ» («Сердце плачет и поет», 1922), «Менам кывьясѳй тайѳ – вир тусьяс» («Мои слова – это капли крови», 1922), созвучны мотивам устной поэзии родственного народа. Видимо, также под влиянием калевальского образа слез-жемчужинок поющего Вяйнямёйнена («...заблестели жемчугами, / Голубым сверкали блеском...») эпиграфом к одному из произведений он взял созвучные строки японской поэтессы IX века Исэ: «В нитки скручу я / звуки рыданий, / На нити нанижу я / Жемчужинки слез...»¹¹.

В своих заметках 1923 года В.Т. Чисталёв упоминал о том, какие авторы оказали наибольшее влияние на его творчество, среди них – финский писатель Юхани Ахо (1861–1921). Так, в основе произведения Чисталёва «Кѳнкѳ ылын, вѳр ты дорын» («Где-то далеко, у лесного озера») – прозаическая миниатюра Ю. Ахо «Alaku-loisuuden ylistys» («Хвала печали», 1896), входящая в цикл произведений «Lastuja» («Щепки»). Коми поэт писал о нем: «Тайѳ нач коми мортлѳн вѳрын чѳстуй керкаас кыйсигас олѳмыс – лѳнь, жугыль сора ас сяма гаж. Кантеле кѳ шуан сигудѳкѳн – дзоньнас коми кольѳ»¹² («Это жизнь коми человека в лесной охотничьей избушке – тихая, печальная радость. Если назвать кантеле сигудком, все произведение будет коми»).

По мнению В.А. Латышевой, выбор Чисталёвым произведения Ю. Ахо неслучаен: как и у поэта коми, у Ахо был лирический талант, о чем говорят «нежные и богатые настроением картины природы и жизни» в его произведениях. Сближает двух авторов и работа над языком художественных произведений: придание ему точности, выразительности и гибкости в передаче самых разнообразных оттенков мысли, большой эластичности и соразмерности самому строю фразы [7, с. 31]. Из всех миниатюр

⁹Чисталёв В.Т. Ния... С. 193.

¹⁰Там же.

¹¹Там же. С. 578.

¹²Там же. С. 550.

Ю. Ахо В.Т. Чисталёвым вновь выбрана та, которая затрагивает тему поэтического творчества. Она органично вошла в творчество В.Т. Чисталёва, т. к. сам он начиная с 1919 года писал прозаические произведения, которые невелики по объему, лиричны и эмоциональны по содержанию, и в них есть герой, похожий на лирического героя поэзии. Эмоциональная выразительность такой прозы создается с помощью поэтических описаний родной природы, лирических отступлений, а также благодаря использованию в них стихотворного метра и рифмы.

Таково и произведение Чисталёва «Көнкё ылын, вөр ты дорын». Как пишет В.А. Латышева, эта миниатюра «о милой природе, о ее звуках, оттенках, прохладе, и среди всего этого – об одиночестве поэта» [8, с. 18]. Смысловый и эмоциональный центр повествования в нем – лирическое «я»-поэт, чьи чувства и мечты об одинокой, но наполненной творчеством, духовными поисками жизни раскрываются в произведении: *гаж петё овны мем* («хочется жить **мне**»), *ме отнам ола* («я один буду жить»), *некодёс ме ог кор ас динё* («никого **я** не позову к себе»), *ме куті ворсны* («я стал бы играть»), *помасис менам олёмой* («кончилась **моя** жизнь»), *лөнис менам олёмой* («утихла **моя** жизнь»), *бурмис менам съёлёмой* («успокоилось **мое** сердце»). Все существо героя устремлено в будущее: в повествовании нет настоящего времени, а прошлое отрицается: «мед некод мем эз казътыв аслам бөрё кольём олём йылысь, эз вөрөд менсьым кенясьём дойясёс»¹³ («чтоб никто не напоминал мне о моей прошлой жизни, не тревожил моих заживших болей»).

Образ одинокого домика – «отка керка» – становится в произведении Чисталёва символом пристанища души поэта, а песня, исполняемая им, – символом его жизни и творчества. Лишь жизнь, наполненная вдохновением, кажется ему настоящей, способной принести удовлетворение: «Кодыр ворссис эськё, помасис менам

сьылёмой, – ошоді эськё ассъым кантелеёс керка пельёсам и видзоді өшиньод пемыд вөр вылас да кодзыд сэзь енэж вылас...»¹⁴ («Когда закончилась бы моя игра, завершилось мое пение, – повесил бы тогда свой кантеле в углу дома и смотрел в окно на темный лес и холодное чистое небо...»).

Произведение В.Т. Чисталёва поэтично, ему присущи глубокая одухотворенность, эмоциональность, лиризм. Метафоры, эпитеты в описаниях природы усиливают его выразительность: «Кельыд төлысь мичаа кисьтё ассъыс югёрсё еджыд лым вылө, зарниөн ворсё өшинь гыёрын» («Бледный месяц красиво льет свои лучи на белый снег, золотом играет на инее окна...»), «төлысь югёрыс дждж пөв вылын ворсё» («луч месяца играет на досках пола»). Коми поэтом сохранен один из основных образов произведения финского писателя, в котором видится и след «Калевалы»: образ музыкального инструмента кантеле, способного воплотить в звуках песню поэта об одинокой жизни. Кантеле становится олицетворением таланта, поэтического дара, вдохновения.

Стихотворный размер – дактиль, – используемый писателем в тексте произведения, играет ритмообразующую роль. Он придает прозаическому тексту свойства стихотворного, тем самым меняя его качества и усиливая эмоциональное воздействие на читателя: «Сэн эськё гаж петё овны мем» (úuu/ úuu/ úuu) («Там бы хотелось мне жить»); «Некодёс эськё ме ог кор ас динё, ны некодёс» (úuu/ úuu/ úuu/ úuu/ úuu) («Никого бы не позвал я к себе, совсем никого»). Произведение В.Т. Чисталёва пронизано ритмом желаемого, мечтаемого, неосуществленного. В нем повторяется частица «эськё» (бы), означающая возможность, желательность, условность: *сэн эськё гаж петё овны* («там бы хотелось жить»), *сідз эськё көсья ме ольшитны* («так бы хотел я пожить»), *некодёс эськё ме ог кор ас динё* («никого бы я не позвал к себе»), *ме эськё ворси-троньодчи отка олём йылысь*

¹³Чисталёв В.Т. Ния... С. 206.

¹⁴Там же.

(«я бы играл-бренчал об одинокой жизни»), *вöлисти эськö сэк лönис менам олöмöй* («тогда лишь утихла бы моя жизнь»).

Множественные лексические повторы также создают единый ритм и смысл всего произведения. Такие слова, как «одиночество», «дом», «жизнь», «игра», являются в нем смысловыми центрами. В них – мечты поэта об одинокой жизни наедине с собой и своим творчеством. Множественностью лексических повторов обусловлен синтаксический параллелизм: «Кань гургöм *шыö* гор *дорын* пукала, пучей дзуртöм *шыö* би *дорын* вуграла...»¹⁵ («Под мурлыканье кошки у каменки буду сидеть, под скрип сверчка у огня буду дремать»); «*Вöлисьт эськö сэк лönис менам олöмöй, вöлисьт эськö бурмис менам мудзöм сьöлöмöй*»¹⁶ («Лишь тогда утихла бы моя жизнь, лишь тогда успокоилось бы мое усталое сердце»). Благодаря схожему построению фраз миниатюра Чисталёва еще больше отражает стремление автора создать лирическое произведение в прозе.

С пометкой «Из песни народа суоми» в 1928 году было опубликовано стихотворение В.Т. Чисталёва «Вөр-пу йылысь» («О лесе»). Коми поэта, учителя, интеллигента, всю свою жизнь прожившего в родном селе, среди бесконечных лесов – пармы, – не могло не привлечь это стихотворение о роли леса в жизни северного крестьянина. Лес в нем предстает как хранитель хлеба – золотого зернышка – от холода, ветров и зноя, как источник пищи и тепла в отсутствие солнца, как отрада человеческой души:

Вөр – кресъянинлы ён отсöг:
Керка-карта ставыс пуысь.
Мый видз-муыд мортлы сьтöг?
Кынöмпöтыд кытысь вöртöг?
Льдтöм, помтöм мортлы бур –
Ставсö сийö сетö вөр!
Сылы вöртöг оз позь овны,
Коді Суомиын олö¹⁷.

Лес – кресъянину хорошая подмога:
Дом его из дерева.
Что значит без него земля?
Откуда человеку пропитание без леса?
Бесчисленное, бесконечное добро
Дает человеку лес!
Не прожить тому без леса,
Кто в Суоми живет.

Таким образом, мотивы, образный строй, ритмические особенности произведений устного народного творчества и литературы финнов оказали существенное влияние на произведения коми писателя В.Т. Чисталёва: поэзия родственного народа стала неотъемлемой частью его оригинального творчества. Оригинальные авторские лирические произведения, созданные на их основе, обогатили всю коми литературу, расширили тематический и эстетический потенциал коми поэзии, приблизили коми литературу к художественным ценностям других народов. Получив творческий импульс от народного поэтического произведения, его поэтики и символики, В.Т. Чисталёв создал произведения, воплотившие в себе особенности национальной жизни и характера, национальной литературной традиции, а также идейное и художественное своеобразие его творческой индивидуальности.

Список литературы

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2004. Т. 2. 704 с.
2. Туркин А. Комияслöн финнъяскöд культурнöй йитöдъяс // Войвыв кодзув. 1976. № 9. С. 58–61.

¹⁵Чисталёв В.Т. Ния... С. 206.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же. С. 291.

3. Дёмин В.Н. «Калевала» и коми литература // На небе звезда...: Введение в историю и теорию коми поэзии. Сыктывкар, 1995. С. 10–17.
4. Туркин А.И. «Калевалалы» – 150 во // Войвыв кодзув. 1985. № 7. С. 8–10.
5. Латышева В.А. Вөр-вакөд сёрни (Тима Вен'лөн лирика) // Войвыв кодзув. 2003. № 8. С. 67–79.
6. Остапова Е.В. «Калевала» как один из источников создания художественных произведений на коми языке // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 11–15.
7. Латышева В.А. Финско-коми литературные и научные связи // Литература коми: уч. пособие. Сыктывкар, 1995. С. 30–31.
8. Латышева В.А. Тима Вен'лөн кывбура проза // Лымдор дзоридз. Сыктывкар, 2006. С. 17–21.

References

1. *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka* [The History of the Komi from Old Times to the End of the 20th Century]. Ed. by A.F. Smetanin. Syktyvkar, 2004. Vol. 2. 704 p.
2. Turkin A. Komiyaşlön finn'yasköd kul'turnöy yitöd'yas. *Voyvuv kodzuv*, 1976, no. 9, pp. 58–61.
3. Demin V.N. "Kalevala" i komi literatura [*The Kalevala and Komi Literature*]. *Na nebe zvezda...: Vvedenie v istoriyu i teoriyu komi poezii* [There's a Star in the Sky...: Introduction to the History and Theory of Komi Poetry]. Syktyvkar, 1995, pp. 10–17.
4. Turkin A.I. "Kalevalaly" – 150 vo. *Voyvuv kodzuv*, 1985, no. 7, pp. 8–10.
5. Latysheva V.A. Vör-vaköd serni (Tima Ven'lön lirika). *Voyvuv kodzuv*, 2003, no. 8, pp. 67–79.
6. Ostapova E.V. "Kalevala" kak odin iz istochnikov sozdaniya khudozhestvennykh proizvedeniy na komi yazyke [*The Kalevala as One of the Sources of Fiction Writing in the Komi Language*]. *Finno-ugorskiy mir*, 2011, no. 1, pp. 11–15.
7. Latysheva V.A. Finsko-komi literaturnye i nauchnye svyazi [Finnish-Komi Literary and Academic Ties]. *Literatura komi* [Komi Literature]. Syktyvkar, 1995, pp. 30–31.
8. Latysheva V.A. Tima Ven'lön kyvbura proza. *Lymdor dzoridz*, Syktyvkar, 2006, pp. 17–21.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.117

Eltsova Elena Vlasovna

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
24 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167000, Respublika Komi, Russian Federation;
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

FINNISH POETRY AND *THE KALEVALA* IN THE WORKS BY THE KOMI POET V.T. CHISTALEV

The motifs, imagery and rhythmic of Finnish folklore and literature had produced considerable influence on Komi literature of the 20th century and V.T. Chistalev's (1890–1939) works in particular. *The Kalevala* Karelian-Finnish epic and works of Finnish authors formed the basis for such Chistalev's poetic and prosaic writings of the 1920s as *The Birth of Poetry*, *The Creation of Kantele*, *Somewhere Far Away by the Forest Lake*, and *About the Forest*. The undertaken comparative analysis of these works with *The Kalevala* and with the prosaic miniature *Praise of Grief* by the Finnish author Juhani Aho showed Chistalev's use of the experience and traditions of the closely related foreign literature and revealed the relationships between the literatures of the two kindred peoples. *The Kalevala* and Finnish literature provided Chistalev primarily with the images of kantele and a small isolated forest house, motifs of the origin of creativity and purpose of poetry, as well as with such devices as personification, syntactic

parallelism, repetitions, and a rhythmic system. It should be mentioned, though, that the Komi writer's perception of Finnish literary traditions is a creative process which is not limited to direct borrowings. Special attention in this article is given to literary translation, author's interpretation, transformation, creative editing and revision of the original. The author of this paper comes to the conclusion that V.T. Chistalev's original works based on Finnish folklore and literature had enriched Komi literature by expanding the thematic and aesthetic potential of Komi poetry, brought it closer to art treasures of other peoples and became an embodiment of the national lifestyle, literary tradition, and the Komi writer's individuality.

Keywords: *Komi literature, The Kalevala, Finnish literature, literary translation, author's interpretation, origins of creativity.*

Контактная информация:

адрес: 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24;
e-mail: alena.eltsova@mail.ru